

В семье Ли Сы затеяли большую стройку. Односельчане, косясь на груды привозимого кирпича, сразу поняли: это не дешевая мазанка и не соломенная халупа, какие обычно на скорую руку лепят сыновьям при разделе семейного имущества. Тут замышлялось нечто основательное — настоящий кирпичный дом под добротной черепичной крышей.

Деревню мгновенно захлестнула глухая, колючая зависть. Батюшки, да неужели сам Ли Сы сподобился? Тот самый недотёпа, который отродясь ходил вечным бедолагой, не знавший ни родительской любви, ни ласки. Мужик, от которого когда-то с позором сбежала жена — клеймо на всю оставшуюся жизнь! — тихий, забитый бобыль, только и умевший, что тупо гнуть спину на пашне. И вдруг — надо же, в какие люди выбился!

Пока сын рос, Ли Сы служил для всей округи громоотводом: о нём ленивый не чесал язык, его то жалели сквозь зубы, то откровенно презирали, ведь беднее их двора в деревне Сикань не сыскалось бы при всем желании. Да и шутка ли — баба бросила! В деревне такой срам до гроба не отмыть, всю жизнь будешь ходить оплётанным, не смея поднять глаз.

Ни поесть досыта, ни выпить сладкого чаю. Ютился с сынишкой в ветхой, продуваемой насквозь мазанке; на плечах — вечное отрепье в заплатках, в миске — пустая похлебка без единой капли жира. Ли Сы был из тех бесхребетных добряков, кто даже от нападок вздорной матери уклониться не смел — стоял да обсыхал. Кто бы мог подумать, что под старость лет на долю этого бедолаги выпадет такое счастье?

Стоило только вспомнить о Гоудане: малец мало того что уродился с ясной головой и поступил в столичный университет — а значит, непременно оседет в городе и выбьется в большие люди, — так это было лишь началом. Истинный повод для зависти открылся позже. Оказалось, парень не просто силен в грамоте, у него еще и деньги откуда-то завелись! И не какие-то гроши, а целое состояние — на новую усадьбу хватило. Добротный кирпичный дом под черепицей... Да ведь иные крестьяне от рождения до могилы маются под гнилой соломой: в сырой хибарке кричат первый раз, в ней же и выпускают дух. А тут — глядите-ка, как все переменялось!

Эх, от таких мыслей только желчь разливается. Посмотрит иной хозяин на собственных детинушек: лбы уже здоровые, а ума как у воробушка. Пожрать горазды так, что за ушами трещит, а за какое дело ни возьмутся — стой над ними да разжевывай. О том, чтобы хоть медный грош заработать, и речи нет, даже на свадьбу приходится родителям из кожи вон лезть да долги копить. С досады так и подмывает отвесить своему оболтусу пару увесистых пинков под зад для острастки.

Стыдно ведь, право слово, даже близко ставить их с Гоуданем.

Гоудань не слишком задумывался о том, какие бури бушуют в головах соседей, хотя любопытствующих на стройплощадке хватало. Люди так и вились вокруг, а уходя, частенько уносили с собой по паре кирпичей. Оправдания находились мгновенно: у кого-то кан

прохудился — надо бы подлатать, у кого-то печь на кухне осыпалась, в самый раз кирпичик пристроить.

Когда посторонние наконец расходились, Гоудань принимался негромко выговаривать отцу:

— Слушай, батя, этот уволок три штуки, тот — еще парочку. Мы ведь все материалы покупали строго под расчет. Если каждый начнет таскать из кучи по кирпичику, нам на стены не хватит. Придется бросить все на полдороге или докупать, тратить лишние деньги. А ведь впереди еще настил полов, да и мебель приличную купить надо. Вдруг сбережений в обрез окажется?

Ли Сы от этих слов не на шутку встревожился. Каким бы кротким и безответным он ни рос, но когда дело коснулось стройки — святая святых! — тут уж любой покладистый мужик оскалится. Он ведь так мечтал о новой усадьбе! С хорошим домом сыну и невесту сосватать будет куда проще. Тут медлить нельзя.

Теперь Ли Сы в любую свободную минуту крутился возле штабелей с кирпичом. Стоило ему заметить, как кто-то вновь пытается наложить лапу на хозяйское добро, он тут же преграждал дорогу и без обиняков заявлял:

— Зачем чужое берете? Нам ведь на стены не хватит, стройка встанет! — Он упрямо хмурил лоб, заступаясь за каждую деталь. — Этот дом — Гоуданю на свадьбу. Не смейте больше таскать!

Гоудань устраивался на пороге с печеным бататом и с тайным удовольствием наблюдал, как отец с непривычной строгостью отчитывает соседей. Ли Сы искренне предлагал: если кому очень надо, пускай заказывают на кирпичном заводе, а их подвода попутно захватит заказ — несколько штук телегу не утянут, да и за дорогу они денег не возьмут.

Пойманные с поличным односельчане сначала мялись от неловкости, а после, багровея от досады, огрызались:

— Ишь, хоромы себе отгрохал, нос задрал! Подумаешь, великое дело — дом строить! Пару кирпичей соседям пожалел, скряга паршивая!

Уязвленные соседи убирались восвояси, но Ли Сы злился еще сильнее. Сам он за всю жизнь ни единого увядшего листика с чужой грядки не сорвал, а тут люди средь бела дня растаскивали добро его сына, да еще и огрызались с полным осознанием собственной правоты!

После этого Ли Сы стал караулить кирпич пуще прежнего. Скоро вся округа уяснила: у этого простака теперь и щепки не выпросишь. Кое-кто из любителей поживиться за чужой счет затаил обиду и принялся распускать за его спиной злые слухи.

Впрочем, Гоуданю на эти злые языки было глубоко наплевать. Приличные хозяева до такой

низости не опустятся, а с мелочными завистниками он и сам знаться не желал. В одной деревне живут, из одного клана — довольно будет вежливого кивка при встрече, к чему эта фальшивая дружба?

Бригадир Тань со своими мужиками дело знали туго. Пока они ровняли траншеи под фундамент, бригадир охотно делился строительными хитростями: рассказывал, как лучше укрепить углы, какие материалы выбрать, чтобы вышло и экономно, и на века. Гоудань слушал прилежно, открывая для себя немало нового.

— Нынче все повадились заливать полы цементом, — рассуждал бригадир Тань, прислонившись к лопате. — Оно вроде и гладко, и чистить легко, да только стынь от него идет, да и трескается со временем. Как по мне, лучше старых тесаных плит, какими в прежние времена богачи свои усадьбы выстилали, ничего нет. Сухо под ногами, ровно, и сносу такому полу не будет. Ну а если деньжата водятся, сейчас в уезде продают особую керамическую плитку. На ощупь — чистый шелк, ровнее цемента, да только стоит прорву денег. А деревянный настил — это уж совсем барство, для нашей деревни вещь бесполезная: мороки с ним не оберешься, да и сгниет быстро в сырости.

— Я подумаю, — кивнул Гоудань. — Как стены выведем да побелим, тогда и решим, чем полы стелить.

— Договорились. Если что — зови нас, по цене не обидим, — ухмыльнулся бригадир.

Гоудань к тому времени уже внес задаток. Договорились просто: половину суммы он выплатит, когда выведут коробку под крышу, а остаток — после окончательной сдачи, когда сам все проверит.

К тому же Гоудань заранее навел справки: все мужики в артели были из деревни самого бригадира или приходились ему близкой родней. За свои кровные можно было не опасаться — Тань не сбежит с кассой, оставив обманутых каменщиков требовать плату с хозяев.

Из-за стройки половину огорода пришлось перекопать, так что свежую зелень и овощи теперь приходилось покупать. Гоудань не стал мудрить и просто кинул клич соседям: у кого есть излишки с грядок — несите, все скупим по честной цене. Деревенские только радовались нечаянному заработку. Еду для рабочих, как и сговаривались, полностью обеспечивали хозяева. Кормили артель трижды в день, причем в обед или ужин на столе непременно исходило паром сытное мясное блюдо.

Кашеварить на кухне вызвались жена Мингуана с невестками. Гоудань в кухонные дела не лез — главное, чтобы мужики наедались досыта. Правда, варево из огромного общего котла казалось ему пресноватым и сухим. Местные бабы, привыкшие беречь каждую каплю жира, и здесь по привычке экономили растительное масло.

Пришлось деликатно попросить стряпух не жалеть масла — тем более что они с отцом теперь тоже столовались из общего котла. Кулинарными талантами ни он, ни Ли Сы не обладали, а

пока Ван Сюаня не было рядом, готовить самим было недосуг, да и неохота. Так выходило куда проще.

Сбросив с себя кухонные заботы, Гоудань вздохнул с облегчением. Из благодарности он частенько заносил в дом Старой тетушки то добрый шмат свинины, то свежие ребрышки. Ее невестки трудились у плиты не покладая рук, а плату за работу брать отказывались наотрез — мол, свои же люди, грех за помощь деньги кланчить. Парень чувствовал себя неловко и старался отдариться хотя бы продуктами.

Пользуясь случаем, пока во дворе кипела работа, Гоудань нанял бригаду колодезников. Усадьба их стояла неподалеку от речной протоки, так что опытные мастера быстро нащупали жилу. Слева от старого дома вырос высокий деревянный копер, и работа закипела.

Зато теперь не придется каждый день таскаться с коромыслом на общественную окраину. Ежедневная беготня с полными ведрами — спина к вечеру отваливалась.

Дни летели один за другим. Гоудань крутился как белка в колесе: то бегал на поселковую почту перезванивать Ван Сюаню, приславшему весточку на пейджер, то принимал школьных товарищей. Пару раз они выбирались гурьбой искупаться на водохранилище, съездили навестить любимого школьного учителя, наведались к Сяо Цяню и Чжан Хэну потолковать о делах лавки. Месяц пролетел как один день. Стены первого этажа уже выросли во весь рост; строительные леса еще стояли, опутывая кирпичную коробку, но до укладки перекрытий оставались считанные дни.

Узнав об этом по телефону, Ван Сюань обрадовал Гоуданя: дела в городе улажены, и он возвращается домой. Парень от радости едва не запрыгал. Он тут же упросил бригадира Таня повременить с укладкой перекрытий и перенести торжественный день на пару суток позже — как раз под приезд Ван Сюаня, чтобы отметить это событие вместе.

Мужики из артели Таня трудились на совесть — споро, аккуратно. Гоудань окончательно решил, что и внутреннюю отделку доверит только им.

Счастливый, он отправился к поселковому мяснику и заказал на праздничный день добрую половину свиной туши — решил закатить знатный пир для всей артели, чтобы мужики как следует отведали мясного.

Ли Сы в эти дни ходил сияющий, улыбка у него с лица не сходила. Даже появление вздорной матери, Старой госпожи Ли, не смогло испортить ему настроение. Старуха устроила грандиозный скандал, требуя либо выделить ей лучшую комнату в новом доме, либо увеличить ежемесячное содержание, но Ли Сы лишь упрямо мотал головой. На все нападки он твердил одно и то же:

— Дом строят Гоудань с Ван Сюанем на свои заработанные деньги. Я здесь не хозяин и решать ничего не могу.

От такой отповеди бабка едва не лопнула от злости, а Гоудань втихомолку покатывался со смеху.

Где это видано, чтобы при живых и здоровых сыновьях бабка садилась на шею внуку? Правда была на их стороне, но в этой деревне нужно было обладать упрямством Ли Сы, чтобы так непоколебимо стоять на своем.

Старая госпожа Ли от злости чуть все зубы не стерла в порошок. Раньше она радовалась, что сын вырос дурачком — им легко было помыкать. Теперь же проклинала его тупость: уперся как баран и никаких намеков не понимает!

Гоудань наслаждался каждым днем этой суматохи. Он то и дело крутился на площадке, подсовывал каменщикам раствор и сам пробовал укладывать кирпичи, находя в этом особое удовольствие.

Выяснив точное время прибытия поезда, Гоудань заранее отправился в провинциальный центр встречать Ван Сюаня. Обрадованные встречей, они накупили всякой всячины и заглянули на местный мебельный рынок. Увы, выставленные там столы и шкафы выглядели чересчур топорно: дерево казалось сучковатым и сырым, а лак лежал неровными разводами. Посоветовавшись, парни решили повременить с обстановкой. Пусть сначала дом выстоится, а там видно будет.

Обратная дорога из провинциального центра в уездный город оказалась сущим испытанием. Ван Сюаня так растрясло на ухабах, что лицо его сделалось белым как полотно. Гоудань готов был лопнуть от жалости и беспокойства, но Ван Сюань лишь слабо махнул рукой:

— Ничего страшного. Разбаловался я в городе на хороших дорогах, вот и занемог с непривычки. Сейчас доберемся, обвыкнусь немного, и все пройдет.

На следующий день после их возвращения в деревню пришло время совершить обряд завершения крыши. В деревне Сикань исстари чтит строительные традиции. Гоудань в этих тонкостях мало что смыслил, но Старая тетушка охотно растолковала Ли Сы все премудрости. Прежде крестьяне строились скромно, лепили глиняные мазанки под соломой, там и обряды были попроще. А вот при возведении добротного кирпичного дома непременно соблюдали обычай укладки конька. Требовалось выбрать самый благоприятный день, запастись петардами и сотворить молитву духам-хранителям. Главное — водрузить верхнюю балку, предварительно повязав на нее отрез ярко-красной ткани в знак счастья и семейного благополучия.

У них строился современный одноэтажный дом с плоской бетонной крышей, так что никакого конькового бруса не предусматривалось. Но оттого сам обряд становился лишь важнее. Для деревни новая усадьба — событие из ряда вон выходящее, и пренебрегать традициями не следовало, иначе соседи мигом косточки перемоют. Раз уж хозяева нашли средства на кирпич и цемент, то потратить малую толику на скромное застолье были просто обязаны — таков уж неписанный закон сельской общины.

Гоудань денег не жалел, да и в хлопоты отца не вмешивался. Его забота была простая — проследить, чтобы свежую свинину доставили прямо к порогу. К кухонным делам тут же пристроились деревенские кумушки всех мастей. Помощь их, конечно, даром не пропадала: по обычаю, после окончания пира все оставшиеся в котлах нетронутые блюда стряпухи забирали себе. И дело было вовсе не в избытке угощений — в те годы сколько мяса на стол ни выстави, гости все под чистую вылизуют.

Просто расторопные бабы ухитрились приберечь часть еды еще у плиты. В те дефицитные времена даже объедки с чужих тарелок порой не брезговали прихватить, а уж унести домой миску чистой, наваристой похлебки с мясом — и вовсе считалось великой удачей.

Так что кумушки порхали у котлов довольные: принести домой сытный гостинец для детей и стариков — дело выгодное и приятное.

Гости, собравшиеся на праздничный обед, шумели, поздравляли хозяев и улыбались так искренне, словно сами справляли новоселье. А уж что они там нашептывали друг другу за спиной Ли Сы — бог весть.

<http://bllate.org/book/19654/1996822>